

Б. Л. ВАННИКОВ

Записки наркома

<Фрагменты>

<...>

В первых числах июня 1941 года, за две с половиной недели до начала Великой Отечественной войны, я был отстранен с поста Наркома вооружения СССР и арестован. А спустя менее месяца после нападения гитлеровской Германии на нашу страну мне в тюремную одиночку было передано указание И. В. Сталина письменно изложить свои соображения относительно мер по развитию производства вооружения в условиях начавшихся военных действий.

Обстановка на фронте мне была неизвестна. Не имея представления о сложившемся тогда опасном положении, я допускал, что в худшем случае у наших войск могли быть небольшие местные неудачи и что поставленный передо мной вопрос носит чисто профилактический характер. Кроме того, в моем положении можно было лишь строить догадки о том, подтвердило или опровергло начало войны те ранее принятые установки в области производства вооружения, с которыми я не соглашался. Поэтому оставалось исходить из того, что они, возможно, не оказались грубыми ошибками, какими я их считал.

Конечно, составленную мною при таких обстоятельствах записку нельзя считать полноценной. Она могла быть значительно лучше, если бы я располагал нужной информацией.

Так или иначе, записка, над которой я работал несколько дней, была передана И. В. Сталину. Я увидел ее у него в руках, когда меня привезли к нему прямо из тюрьмы. Многие места оказались подчеркнутыми красным карандашом, и это показало мне, что записка была внимательно прочитана. В присутствии В. М. Молотова и Г. М. Маленкова Сталин сказал мне:

— Ваша записка — прекрасный документ для работы наркомата вооружения. Мы передадим ее для руководства наркомату вооружения. В ходе дальнейшей беседы он заметил:

— Вы во многом были правы. Мы ошиблись... А подлецы вас оклеветали...

После описанного события прошло несколько месяцев. В течение этого времени я работал сначала в наркомате вооружения, потом выполнял задания Государственного Комитета Оборона, касавшиеся производства боеприпасов к зенитным орудиям и восстановления эвакуированных в глубь страны артиллерийских заводов, а в начале февраля 1942 года был назначен наркомом боеприпасов. [134] С первых же месяцев войны стала как никогда ранее очевидной огромная работа, проделанная в предвоенный период в нашей промышленности вооружения. Это обстоятельство нашло отражение, в частности, в том, что группе руководителей этой промышленности летом 1942 года было присвоено звание Героев Социалистического Труда.

В связи с подготовкой Указа о награждении И. В. Сталин предложил мне, как бывшему наркомату вооружения, дать характеристики директорам лучших орудийных и оружейных заводов. В списке, показанном мне Сталиным, были А. И. Быховский, Л. Р. Гонор, А. С. Елян, а также тогдашний нарком вооружения Д. Ф. Устинов и его заместитель В. Н. Новиков, ранее руководившие крупнейшими предприятиями. Это были те, под чьим руководством в предвоенный период реконструировались и увеличивались мощности главных заводов промышленности вооружения, осваивались образцы артиллерийских систем и стрелкового оружия для Красной Армии. Глубоко ценя их заслуги, известные мне по совместной довоенной работе, я сказал, что, по моему мнению, каждый из них заслужил почетное звание Героя Социалистического Труда. Поскольку же в списке было и мое имя, то я позволил себе замечание, что меня еще рано награждать за работу в наркомате боеприпасов, куда я был назначен совсем недавно. На это И. В. Сталин ответил:

— Вам присваивается звание Героя Социалистического Труда как оценка вашего руководства промышленностью вооружения.

<...>

<...> Отмечу еще одну особенность предвоенных лет в руководстве оборонной промышленностью. Ее шефом согласно распределению обязанностей между руководителями партии и правитель-

ства тогда был Н. А. Вознесенский, но фактически ею занимался И. В. Сталин. Это имело и положительные, и отрицательные стороны. Так, с целью повысить качество и ускорить темпы работы конструкторов, он проявлял заботу о том, чтобы их запросы немедленно и вполне удовлетворялись, и это, естественно, играло важную роль. Но некоторые конструкторы, оказавшиеся в поле зрения Сталина и уже по этой причине занявшие «видное» положение, к сожалению, подчас использовали это обстоятельство в ущерб делу.

Кроме того, поиски способов ускорить работу конструкторов не всегда шли правильным путем, а подчас и грозили привести к противоположным результатам. Так, однажды Сталин высказал мысль о том, чтобы использовать в качестве стимула награждение конструкторов «авансом», то есть по изготовлении опытного образца и до проведения приемочных испытаний. Впрочем, это предложение не было осуществлено, так как при обсуждении выяснилось, что такой путь привел бы к спешке и сопутствующему ей снижению качества отработки образцов и технической документации.

Следует отметить, что обсуждение и утверждение тех или иных видов вооружения также не всегда отличались строгой деловитостью и высоким техническим уровнем. Нередко вопросы о сроках и качестве решались не на основе учета реальных научно-технических возможностей, а путем нажима. Поддерживая такой способ, И. В. Сталин как-то по окончании одного из заседаний сказал примерно следующее:

— Конструкторы всегда оставляют для себя резерв, они не показывают полностью имеющихся возможностей; надо из них выжимать побольше.

Это было верно. Но сложность заключалась в том, что резервы, которые «придерживали» конструкторы, выявлялись не в ходе технических обсуждений, а по «интуиции», причем в целом ряде случаев принимали желаемое за возможное. Поскольку же, как правило, сроки устанавливали именно таким образом, это приводило все к той же спешке. В результате новая оборонная продукция не полностью удовлетворяла первоначально установленным тактико-техническим требованиям. Это приводило к конфликтам между конструкторами, производственниками и заказчиками, к срыву сроков и крупным непроизводительным расходам.

В такой обстановке конструкторы из «прогрессивных» становились «не заслуживающими доверия», а созданная ими конструкция объявлялась неполноценной. В дальнейшем, в процессе ее совершенствования, нередко перекрывались даже первоначально установленные ТТТ, но это уже не снимало с нее формального клейма «некондиционности».

<...>

Хотя в последние предвоенные годы кадры в промышленности несколько стабилизировались, обстановка все же оставалась ненормальной, так как неуверенность в своем положении влияла на работоспособность людей. Возникла необходимость радикальных мер, которые оградили бы работников оборонной промышленности от несправедливых нападков заказчиков, контрольных и надзорных органов.

Вначале, однако, И. В. Сталин не давал согласия на то, чтобы был внесен соответствующий проект постановления правительства, выражая сомнение в необходимости такого решения. Не кроется ли за жалобами работников промышленности на нездоровую обстановку, говорил он, желание снизить требовательность — «в ущерб государству». Иногда Сталин в ответ на жалобы говорил:

— А почему вы допускаете? Что, у вас нет власти?.. Кого вы боитесь? Тем не менее разговоры на эту тему все же возымели действие, и однажды Сталин сказал:

— Дайте факты, и мы примем меры.

За фактами дело не стало. Именно в это время руководство Главного артиллерийского управления (ГАУ) РККА, недовольное «поведением» директора одного из оружейных заводов, командировало на это предприятие своего сотрудника. Ему прямо и недвусмысленно поручили сфабриковать «факты преступной деятельности» и передать материал в следственные органы для привлечения директора и других руководящих работников завода к судебной ответственности.

Этот посланец уже находился в пути, когда о нем было доложено в ЦК партии. Сталин высказал возмущение и дал указание подготовить соответствующий проект, по которому предусматривалось, что директора артиллерийских заводов могут быть привлечены к суду только решением Совета народных комиссаров СССР, а также были оговорены условия, упрочивающие положение и авторитет руководящих работников этих предприятий.

<...>

Об артиллерии и артиллерийской промышленности И. В. Сталин, мне казалось, проявлял наибольшую заботу.

Правда, он уделял много внимания всем отраслям оборонного производства. Например, авиационной промышленностью он занимался повседневно. Руководивший тогда этой отраслью А. И. Шахурин бывал у него чаще всех других наркомов, можно сказать, почти каждый день. Сталин изучал ежедневные сводки выпуска самолетов и авиационных двигателей, требуя объяснений и принятия мер в каждом случае отклонения от графика, подробно разбирал вопросы, связанные с созданием новых самолетов и развитием авиационной промышленности. То же самое можно сказать о его участии в рассмотрении вопросов работы танковой промышленности и военного судостроения.

Но при всем этом в отношении Сталина к артиллерии и артиллерийской промышленности чувствовалась особая симпатия. Возможно, что это было связано с его воспоминаниями о своей прошлой военной деятельности, когда только артиллерия решала исход боев, а все другие виды техники не достигли еще столь высокой степени развития, какое они получили перед второй мировой войной. И. В. Сталин выразил свое отношение к артиллерии, повторив крылатую фразу: «Артиллерия — бог войны».

В период между двумя мировыми войнами артиллерийские системы подверглись коренному видоизменению и совершенствованию на основе новейших научно-технических достижений. Новые типы этого вооружения были разработаны и апробированы в СССР задолго до начала Великой Отечественной войны и в основном оставались неизменными до окончательного разгрома противника. В целом система артиллерийского вооружения Красной Армии в течение всей войны не испытывала потребности в новых калибрах или острой необходимости принципиально новых конструкций¹.

Огромная работа, проделанная в довоенный период, позволила конструкторам и производственникам-вооруженцам сосредоточить свои творческие усилия во время войны на дальнейшем совершенствовании артиллерийского вооружения и улучшении процесса его изготовления. Это дало возможность повышать эксплуатационные качества систем, упрощать конструкции деталей и узлов, лучше организовать производство, увеличивать выпуск продукции и снижать ее себестоимость.

Разносторонность и высокий уровень техники в промышленности вооружения обеспечили быстрое решение целого ряда важных

задач, возникавших в ходе войны. Когда, например, к 1943 году потребовалась мощная танковая и самоходная артиллерия, конструкторы и производственники-вооруженцы и танкостроители с большим успехом использовали наиболее ответственные и трудоемкие так называемые качающиеся части артиллерийских систем (ствол с люлькой) калибров 122 и 152 миллиметра, которые промышленность выпускала крупными сериями. И уже с начала 1943 года фронт получал в требуемых количествах танки и самоходные установки с мощной артиллерией и боекомплекты снарядов.

К моменту нападения гитлеровской Германии на нашу страну Красная Армия была вооружена самой лучшей артиллерией, превосходившей по боевым и эксплуатационным качествам западноевропейскую, в том числе и германскую.

<...>

В связи с этим не могу не вспомнить о том, что 76-миллиметровая пушка, да и многие другие новые артиллерийские орудия снимались в последние предвоенные годы с производства в результате ошибочной оценки их качеств. Что касается названной пушки, а также 45-миллиметровой, об этом стоит рассказать подробнее, как о событиях чрезвычайной важности, происходивших в 1941 году, за несколько месяцев до начала войны.

Инициатива принадлежала начальнику Главного артиллерийского управления Красной Армии маршалу Г. И. Кулику. Сообщив наркомату вооружений, что, по данным разведки, немецкая армия в ускоренном темпе перевооружается якобы танками с пушками калибром более 100 миллиметров и броней увеличенной толщины и повышенного качества, он заявил, что неэффективной против них окажется вся наша артиллерия калибров 45–76 миллиметров. В связи с этим маршал Кулик предложил прекратить производство таких пушек, а вместо них начать выпуск 107-миллиметровых, в первую очередь в танковом варианте.

Предложение не встретило поддержки в наркомате вооружения. Мы знали, что еще совсем недавно, в 1940 году, большая часть немецких танков была вооружена пушками калибров 37 и 50, остальные — 75-миллиметровыми. А так как калибры танковых и противотанковых пушек, как правило, корреспондируют броневой защите танков, то было ясно, что наша танковая противотанковая артиллерия калибров 45 и 75² миллиметров в случае войны будет иметь превосходство. Мы считали маловероятным, чтобы

гитлеровцы могли за один год обеспечить такой большой скачок в усилении танковой техники, о котором говорил Г. И. Кулик.

Наконец, если все же появилась необходимость повысить бронепробивающие возможности нашей артиллерии, то следовало начинать не с новых для промышленности конструкций, а в первую очередь попытаться достигнуть этой цели, увеличивая начальную скорость полета снаряда тех 76-миллиметровых пушек, производство которых уже освоено. Да и вообще переход на больший калибр нужно было начинать не с 107-миллиметровой пушки, которой в современной конструкции еще не существовало. Целесообразнее было бы, например, использовать готовую качающую часть выпускавшейся крупными сериями 85-миллиметровой зенитной пушки³. Предложение снять с производства все варианты пушек калибров 45 и 76 миллиметров нельзя было принять еще и потому, что они выпускались в качестве очень маневренных средств против многих важных целей — живой силы противника, проволочных и других преград.

Итак, маршал Кулик, обычно легко поддававшийся самым невероятным слухам и основанным на них «идеям», не сразу добился своего. Однако он продолжал действовать в том же направлении и спустя несколько дней предложил мне выехать вместе с ним на один из артиллерийских заводов, чтобы на месте выяснить возможность форсированного создания и освоения танковой 107-миллиметровой пушки в серийном производстве вместо 76-миллиметровой. При этом сослался на якобы имеющееся у него разрешение И. В. Сталина.

Были все основания усомниться в характере указаний, полученных маршалом Куликом. Кроме того, если бы задание было сколько-нибудь определенным, то его, несомненно, получил бы и наркомат вооружения. Наконец, и Н. А. Вознесенский, с которым я тогда связался по телефону, заявил, что ему ничего по этому вопросу не известно и что он лишь дал указание, чтобы на заводе, куда ехал Г. И. Кулик, ему были представлены все материалы и объяснения, которых он потребует. Я передал это распоряжение директору завода, а от поездки отказался. Побывав на одном заводе, Г. И. Кулик вскоре собрался и на другой. На этот раз он еще более настаивал, чтобы ему сопутствовал кто-либо из руководителей наркомата вооружения. Мы вновь отказались, полагая, что он сам в конце концов разберется и откажется от своего опасного и несвоевременного предложения.

Надежды не оправдались. Вскоре меня вызвал И. В. Сталин и, показав докладную записку маршала Кулика, вкратце ознакомив с ее содержанием, спросил:

— Что скажете вы по поводу предложения вооружать танки 107-миллиметровой пушкой? Товарищ Кулик говорит, что вы не согласны с ним.

Он очень внимательно выслушал мои доводы. В это время в кабинет вошел А. А. Жданов, и Сталин, обращаясь к нему, сказал:

— Ванников не хочет делать 107-миллиметровые пушки для... танков. А эти пушки очень хорошие, я с ними воевал в гражданскую войну.

— Ванников всегда всему сопротивляется, это стиль его работы, — ответил Жданов.

Сталин, вероятно, не хотел действовать в этом вопросе поспешно.

— У Ванникова, — сказал он, — имеются серьезные мотивы, их надо обсудить. — И, по-прежнему обращаясь к Жданову, добавил: — Ты у нас главный артиллерист, поручим тебе возглавить комиссию с участием товарищей Кулика, Ванникова, Горемыкина (тогда — нарком боеприпасов) и еще кого найдешь нужным. И разберитесь с этим вопросом. — Помолчав, он повторил: — А 107-миллиметровая пушка — хорошая пушка...

Замечу, что Сталин, говоря о 107-миллиметровой пушке, имел в виду полевое орудие времен Первой мировой войны; оно, кроме калибра, то есть диаметра ствола, ничего общего не могло иметь с конструкцией, которую нужно было создать для современных танков. А. А. Жданов же, к сожалению, воспринял реплику Сталина как одобрение проекта Г. И. Кулика, что и наложило отпечаток на дальнейшее его отношение к этому вопросу.

На состоявшемся вскоре заседании комиссии у Жданова присутствовали маршал Кулик, генерал Каюков и другие военные. Со мной в качестве представителей наркомата вооружения были мой заместитель Мирзаханов, директора заводов Елян и Фрадкин. Нарком боеприпасов Горемыкин прибыл вместе со своим заместителем и другими ответственными работниками.

С самого начала заседания возможность подробно излагать свои доводы предоставлялась только военным. Когда же я высказал несогласие с таким характером обсуждения, А. А. Жданов резко обвинил меня в саботаже и раздраженно повторил, по-видимому, понравившуюся ему фразу, ранее произнесенную Г. М. Маленковым: «Мертвый тянет живого...»

Надо сказать, что накануне этого заседания в наркомате вооружения состоялось широкое и всестороннее обсуждение вопроса. Участвовали в нем директора и конструкторы соответствующих артиллерийских заводов. Тщательно взвесив все за и против, пришли к выводу, что предложение маршала Кулика не только нецелесообразно, но и грозит опасными последствиями. Поэтому мне особенно тяжелы были не столько явные угрозы А. А. Жданова по моему адресу, сколько его необоснованные симпатии к проекту Г. И. Кулика. И я решительно заявил, что принятие этого предложения поведет к разоружению армии. В ответ на это Жданов немедленно прекратил совещание и заявил, что пожалуется на меня Сталину.

Смущенные таким концом работы комиссии, все ее участники разошлись, а вскоре меня вызвал Сталин. Он показал подготовленное А. А. Ждановым и уже подписанное постановление в духе предложений И. Г. Кулика.

Я попытался возражать, но Сталин прервал мои объяснения, заявив, что они ему известны и основаны на нежелании переоборудоваться на выпуск новой продукции, а это наносит ущерб государственным интересам.

— Нужно, чтобы вы не мешали, — сказал Сталин, — а поэтому передайте директорам указание немедленно прекратить производство пушек калибра 45 и 76 миллиметров и вывезти из цехов все оборудование, которое не может быть использовано для изготовления 107-миллиметровых пушек. Эти слова означали, что вопрос решен окончательно и возврата к его обсуждению не будет.

Но все сложилось иначе. Правда, указание Сталина было выполнено, и непосредственно перед нападением гитлеровской Германии производство самых нужных для войны 45- и 76-миллиметровых пушек было прекращено. Но как только развернулись военные действия, Сталин увидел, что была допущена непростительная ошибка. Спустя месяц после начала войны, разговаривая со мной в присутствии В. М. Молотова и Г. М. Маленкова, он возмущался Ждановым и Куликом и называл их виновниками создавшегося положения. И как было не возмущаться! Перед Сталиным лежали донесения, из которых явствовало, что немецко-фашистские армии наступали далеко не с первоклассной танковой техникой; у них были и трофейные французские танки «Рено» и устаревшие немецкие «Т-I» и «Т-II», участие которых в войне Берлин ранее не предусматривал.

В настоящее время опубликованы довольно точные данные о бронетанковом парке, с которым Гитлер начал «Восточную кампанию». Они подтверждают, что действительное состояние бронетанковой техники противника не соответствовало тем сведениям, которыми располагал Г. И. Кулик и руководствовался А. А. Жданов, приняв решение ввести на вооружение 107-миллиметровые пушки взамен 76-миллиметровых. Иначе говоря, стало совершенно ясно, что наши пушки калибра 45 и 76 миллиметров были способны эффективно действовать против немецко-фашистской танковой техники. И, к сожалению, ошибка оказалась еще более тяжелой, чем можно было предполагать. Дело в том, что значительное количество этих пушек, имевшихся в войсках приграничных районов, а также свезенных на склады в западной части СССР, было потеряно при отступлении в первые месяцы войны. Производство же таких пушек, как сказано выше, мы прекратили перед самым началом вражеского вторжения.

Вот почему бывший гитлеровский генерал Эрих Шнейдер мог впоследствии писать, что, «несмотря на некоторые конструктивные недостатки, немецкие танки вполне оправдали себя в первые годы войны. Даже небольшие танки типов I и II, участие которых в войне не было предусмотрено, показали себя в боях не хуже других...» Впрочем, Шнейдеру пришлось признать, что это продолжалось лишь «до тех пор, пока в начале октября 1941 года восточное Орла перед немецкой 4-й танковой дивизией не появились русские танки “Т-34” и не показали нашим (немецко-фашистским. — Б. В.) привыкшим к победам танкистам свое превосходство в вооружении, броне и маневренности».

Дело в том, что после начала войны, когда стала очевидной ошибочность ранее принятого решения, Государственный Комитет Обороны СССР с целью исправить положение принял решение в форсированном порядке восстановить производство пушек калибра 45 и 76 миллиметров не только на заводах, которые изготавливали их прежде, но и на других, в том числе и некоторых гражданских, имевших хоть мало-мальски пригодное для этого оборудование.

Задача оказалась нелегкой. Станочное и кузнечно-прессовое хозяйства многих предприятий предназначались для изготовления тяжелых крупногабаритных деталей. На этом громоздком оборудовании, в частности, на карусельных станках со столами диаметром несколько метров, в огромных корпусах, обслуживаемых мостовыми кранами грузоподъемностью свыше 25 тонн,

пришлось изготавливать сравнительно небольшие детали и узлы для пушек. В технологическом отношении это было варварство. Но иного способа наверстать упущенное не существовало, и мы пошли этим путем.

Для ускорения выпуска новых пушек заводы получили готовую техническую документацию. Промышленность вооружения к тому же располагала большими производственными мощностями и запасами технологического оснащения и заготовок (поковок, незавершенных изделий и т. п.) на артиллерийских заводах, ранее изготавливавших 45- и 76-миллиметровые орудия, а также хорошо организованным чертежным хозяйством. Решающее значение имели огромный технический опыт и самоотверженный труд рабочих, техников, инженеров и руководителей предприятий, которые буквально выжали из первоклассного оборудования все, что оно могло дать. В результате положение начало меняться уже к концу первого полугодия войны, а в 1942 году промышленность вооружения дала фронту 23100 пушек калибра 76 миллиметров (по другим данным — 29920. — *Ред.*).

Чтобы дать представление о значении этой цифры, напомним, что гитлеровский вермахт к 1 июня 1941 года, то есть перед началом войны с СССР, имел на востоке 4176 пехотных пушек калибра 75 миллиметров.

В связи с историей прекращения производства 45- и 76-миллиметровых пушек в результате ошибочной оценки немецко-фашистской бронетанковой техники, мне вспомнились и другие события, в частности история противотанкового ружья (ПТР); к нему некоторые в нашем военном командовании отнеслись в то время столь же пренебрежительно. И по той же причине.

<...>

И. В. Сталин уделял в предвоенные годы и особенно начиная с 1938 года большое внимание работам, связанным с созданием самозарядной винтовки (СВ). С присущей ему настойчивостью следил он за ходом конструирования и изготовления ее образцов. Высказывая недовольство медленными темпами работы, он не раз подчеркивал чрезвычайную необходимость иметь на вооружении нашей армии самозарядную винтовку. Говоря о ее преимуществах, высоких боевых и тактических качествах, он любил повторять, что стрелок с самозарядной винтовкой заменит десятерых, вооруженных обычной винтовкой. Кроме того, говорил Сталин, СВ сохранит силы бойца, позволит ему не терять из виду цель, так как при стрель-

бе он сможет ограничиться лишь одним движением — нажимать на спусковой крючок, не меняя положения рук, корпуса и головы, как это приходится делать с обычной винтовкой, требующей перезарядки патрона. Сталин считал очень важным, чтобы самозарядная винтовка могла производить до 20–25 выстрелов в минуту или примерно вдвое больше, чем винтовка образца 1891–1930 годов.

Первоначально намечали вооружить Красную Армию автоматической винтовкой, но потом остановились на самозарядной, позволяющей рационально расходовать патроны и сохранять большую прицельную дальность, что особенно важно для индивидуального стрелкового оружия.

Правда, с точки зрения конструирования и производства самозарядная винтовка абсолютно такая же, как автоматическая, и отличается лишь тем, что требует нажатия на спусковой крючок при каждом выстреле. Автоматическая винтовка не нуждается в этом только потому, что имеет одну-единственную дополнительную деталь, называемую переводчиком и обеспечивающую непрерывную стрельбу. Выбрасывание же гильзы, подача нового патрона в ствольную коробку и продвижение его в ствольной коробке до положения готового к выстрелу происходят в обеих винтовках совершенно одинаково, причем и автоматическую можно использовать как самозарядную.

Отдавая предпочтение СВ, Сталин отмечал, что хочет исключить возможность автоматической стрельбы, ибо, как он говорил, в условиях боя нервозное состояние стрелков толкнет большинство их на бесцельную непрерывную стрельбу, нерациональное расходование большого количества патронов. Исходя из этих соображений, он отклонил и предлагавшееся военными компромиссное решение — изготавливать и поставлять переводчик для автоматической стрельбы в качестве отдельной запасной детали.

В связи с этим мне вспоминается эпизод, относящийся, кажется, к 1943 году.

Однажды Сталин сказал мне по телефону, что получил от Н. А. Булганина сообщение об одном фронтовике, который очень легко переделал самозарядную винтовку в автоматическую⁵.

— Я дал указание, — сказал Сталин, — автора наградить за хорошее предложение, а за самовольную переделку оружия наказать несколькими днями ареста. Вам я звоню потому, что хочу послать сообщение товарища Булганина на ваше заключение. Вы прочтите и напишите ваше мнение,

Я был наркомом боеприпасов, а винтовки изготовляла промышленность вооружения. Но когда я напомнил об этом Сталину, он ответил:

— Хорошо помню, что вы теперь нарком боеприпасов, но я вам звоню не как наркому, а хочу знать именно ваше мнение.

<...> Одновременно с вышесказанным Сталин требовал, и в этом его поддержали и военные, и вооруженцы, чтобы СВ была легкой, ненамного тяжелее драгунской образца 1891–1930 годов. Это условие было очень существенным, но, к сожалению, Сталин и военные в дальнейшем сами от него отступили.

Надо сказать, что к тому времени история создания самозарядной винтовки уже насчитывала десятки лет, а существенных результатов все еще не было...

<...> Новые конкурсные испытания удалось провести уже в 1937–1939 годах, после, завершения работ по улучшению образцов. В этот период опробовали несколько самозарядных винтовок, в том числе представленные конструкторами Токаревым и Симоновым.

Тогда-то и допустили ошибку.

Симонов создал наиболее легкий образец с наилучшим механизмом автоматики, но вследствие небрежности самого конструктора при изготовлении винтовки она показала на стрельбах несколько худшие результаты, чем конструкция Токарева.

Будучи членом комиссии, я руководствовался тем, что принять на вооружение массовое стрелковое оружие — дело тонкое и ответственное. Ведь, например, винтовка в отличие от других видов вооружения обычно принимается на долгие годы, так как последующие изменения ее конструкции неизбежно требуют и сложных мероприятий в организации боевой подготовки в армии, и длительного, дорогостоящего технологического переоснащения промышленности. Это в особенности относилось к самозарядной винтовке; мне было ясно, что лучший из представленных на конкурс образцов — симоновский и что отказывал он при стрельбе не по конструктивным причинам, а по производственным, то есть вполне устранимым.

Достоинства винтовки Симонова не ограничивались самым малым весом, хотя и это было исключительно важно, ведь требование, чтобы самозарядные винтовки были как можно легче, являлось одним из главных. Наряду с другими преимуществами винтовка Симонова имела меньшие габариты и маленький штык-тесак, что обеспечивало хорошую маневренность.

Но как раз против маленького тесака и ополчились военные, ссылаясь на то, что русская винтовка из-за наибольшей длины штыка всегда имела преимущества в ближнем бою.

Я настаивал на том, что симоновская винтовка лучше других, и просил дать возможность изготовить новые образцы для повторных испытаний. Большинство членов комиссии не согласилось на это и решило рекомендовать на вооружение винтовку Токарева. В этом сказались прежде всего недостаточная техническая эрудиция. Несомненно, оказала влияние популярность Токарева. Он был старым конструктором-оружейником, известным специалистом по автоматам, тогда как Симонова знали мало и уже только поэтому отнеслись к нему с некоторым недоверием.

При рассмотрении этого вопроса в присутствии Сталина я вновь выступил против самозарядной винтовки Токарева и привел доказательства превосходства симоновского образца. Напомнив И. В. Сталину, в частности, о его указании относительно минимального веса, я отметил, что винтовка Симонова лучше отвечает этому, вполне обоснованному, требованию.

Сталин в ходе дискуссии давал возможность всем говорить сколько угодно, а своего мнения не высказывал, ограничиваясь лишь вопросами к выступавшим. Меня он слушал так внимательно, а вопросы его были столь благожелательны, что его согласие с моей точкой зрения, хотя отстаивал ее я один, казалось несомненным. Каково же было мое удивление, когда Сталин предложил принять на вооружение винтовку конструктора Токарева. У меня невольно вырвался вопрос:

— Почему же? Сталин ответил:

— Так хотят все.

К организации производства самозарядной винтовки Токарева мы приступили на одном из оружейных заводов. Так как чертежи не были отработаны, то по указанию наркомата вооружения они уточнялись в процессе подготовки и освоения производства. При этом устранялись конструктивные недостатки, а также недоделки, мешавшие правильному ведению технологического процесса при массовом выпуске самозарядной винтовки. Объем этих работ оказался весьма значительным, так как Токарев доводил свои образцы только отстрелом и напильником, пренебрегая помощью грамотных инженеров-конструкторов, расчетчиков и технологов при подготовке элементов технической документации.

В результате сроки начала серийного выпуска срывались, и наркомат обороны пожаловался на меня Сталину, утверждая, что задержка была следствием отрицательного отношения к этой винтовке со стороны наркомата вооружения. Мне даже не пришлось давать объяснения. На заседании, куда я был вызван, Сталин изложил содержание жалобы наркомата обороны и тут же, не открывая обсуждения этого вопроса, продиктовал постановление. Оно было настолько кратким, что я запомнил его почти дословно. В нем было сказано: предложить товарищу Ванникову прекратить колебания и ускорить выпуск СВ Токарева.

После долгих мытарств завод наконец начал их выпускать и поставлять армии. Но прошло совсем немного времени, и посыпались жалобы на то, что самозарядная винтовка тяжела, громоздка, в эксплуатации сложна, и бойцы всеми силами стремятся от нее избавиться, а так как шла война с белофиннами и дело дошло до Сталина, назревал скандал.

Однажды вечером по вызову И. В. Сталина я явился к нему в Кремль. Он был один и мрачно ходил по кабинету. На длинном столе, стоявшем у стены, было разложено оружие. Подведя меня к столу и указав на один из образцов, Сталин спросил, что это за винтовка. Я сказал, что это автомат Федорова, и не из последних образцов. Перебрав несколько автоматов, он взял СВ Симонова и опять задал тот же вопрос. Я ответил. Видимо, этот образец и нужен был Сталину, так как он тотчас же принялся расспрашивать о сравнительных данных симоновской и токаревской самозарядных винтовок. Когда я доложил и об этом, он резко спросил:

— Почему приняли на вооружение токаревскую винтовку, а не симоновскую?

Когда я напомнил историю этого вопроса, Сталиным овладело раздражение. Он несколько раз молча прошелся по кабинету, а затем подошел ко мне и сказал:

— Вы виноваты. Вы должны были внятно доказать, какая винтовка лучше, и вас бы послушали. Почему вы допустили, что у нас такой длинный тесак? Я молчал, Сталин сказал:

— Надо прекратить изготовление винтовок Токарева и перейти на изготовление винтовок Симонова, а тесак взять самый малый, например, австрийский.

Как я ни был поражен этими обвинениями, возражать и оправдываться было неуместно. Но в то же время я сразу представил себе последствия такого решения и решил попытаться предотвратить

его. Я учел и то благоприятное в данном случае обстоятельство, что мы были одни. Ибо если бы присутствовал кто-нибудь еще, то он, несомненно, поддакивал бы Сталину, и тогда уже трудно было бы что-либо доказать. Итак, я сказал, что прекращение производства токаревских СВ приведет к тому, что у нас не будет ни их, ни симоновских, так как выпуск последних можно, начать не ранее чем через год-полтора. Сталин подумал, согласился и отказался от своего намерения. Вместо прекращения производства винтовки Токарева он предложил конструктивно улучшить ее, главным образом в части снижения веса, и уменьшить тесак, сделав все это без замены большого количества технологической оснастки.

Такое предложение было приемлемо, но его следовало обсудить с конструкторами и технологами, о чем я и сказал Сталину. Он тотчас же вызвал Маленкова и дал ему указание возглавить комиссию в составе представителей наркомата вооружения и военных, которая должна была при участии конструкторов и технологов подробно изучить каждую деталь токаревской СВ в целях ее облегчения и улучшения с тем, чтобы, как сказал Сталин, «приблизить самозарядную винтовку Токарева к самозарядной винтовке Симонова, а тесак взять самый наименьший».

Комиссия была сформирована в ту же ночь. Начавшуюся вслед за тем работу вели наспех. Комиссия стремилась облегчить вес металлических деталей путем сверления отверстий, увеличения фасок и т. п., а деревянных — утончая их. Битва шла за каждый грамм веса винтовки, за каждый час, приближавший начало выпуска облегченных СВ. Но как ни спешили, все же потребовалось немало времени. Да и переделанное всегда хуже нового. Это была расплата за ошибки, тем более тяжелая, что она наступила в канун Великой Отечественной войны, хотя при ином, вдумчивом подходе можно было заблаговременно изготовить нужное количество хороших самозарядных винтовок и полностью снабдить ими Красную Армию.

А как же относительно моих «колебаний»? После одного из заседаний я подошел к И. В. Сталину и В. М. Молотову и попросил отменить принятое на этот счет постановление, поскольку у меня не было никаких «колебаний», а что касается оценки винтовок Симонова и Токарева, жизнь подтвердила мою правоту. Ответил мне В. М. Молотов.

— Отменять решение, — сказал он, — не следует, так как вопрос не в том, правильно или неправильно вы колебались, а в том, когда колебались⁶.

<...>

<...> Многие военные специалисты в течение ряда лет рассматривали пистолет-пулемет как дополнительное оружие, способное решать только ограниченный круг частных задач.

В нашей стране эта точка зрения, к сожалению, продержалась дольше, чем в других государствах, в армиях которых уже в 30-х годах пистолет-пулемет получил широкое распространение. Так, в австрийской армии он наряду с пулеметом был придан каждому стрелковому отделению. Интенсивно вооружалась пистолетами-пулеметами финская армия, что в войну 1939–1940 годов оказалось для нас полной неожиданностью. Германский специалист В. Брандт считал необходимым вооружить ими треть солдат пехоты, конницы, инженерных и мотоциклетных частей. Последующие войны показали, что такое соотношение было наиболее правильным.

Военные специалисты Красной Армии по-разному оценивали перспективность пистолетов-пулеметов. В начале 30-х годов крупный знаток стрелкового оружия профессор А. Благоднаров в своем труде «Основание проектирования автоматического оружия», отметив их положительные тактические и технические качества, писал, что они обладают «весьма ограниченной сферой действия». Однако спустя несколько лет профессор В. Федоров, пионер создания русского автоматического оружия, конструктор и ученый, в книге «Эволюция стрелкового оружия» указывал: «... До настоящего времени не везде усвоена мысль о той громадной будущности, какую со временем будет иметь это чрезвычайно мощное, сравнительно легкое и в то же время простое по своей конструкции оружие». Но и он в своих рекомендациях был весьма осторожен. Касаясь взглядов вышеупомянутого немецкого специалиста В. Брандта, В. Федоров писал: «...Некоторый процент личного состава пехотных частей и в особенности кавалерии, может быть и не столь значительный, как это предлагает Брандт, мог бы быть вооружен пистолетами-пулеметами».

Советская промышленность вооружения выпускала тогда, как уже сказано, пистолет-пулемет, сконструированный Героем Социалистического Труда В. А. Дегтяревым. Автомат калибра 7,62 миллиметра обладал хорошими тактико-техническими качествами, соответствовавшими уровню военного производства того времени. Серийный выпуск его был организован на одном из крупных, отлично оснащенных оружейных заводов. Главное артиллерийское управление армии, являвшееся заказчиком,

не высказывало каких-либо претензий ни в отношении конструкции ППД, ни к качеству его изготовления, не проявляя, впрочем, и заинтересованности в этом оружии.

И вдруг — предложение снять его с производства.

Представители наркомата вооружения выступили с возражениями. Они указывали не только на наличие хорошо налаженного производства, потребовавшего крупных затрат, но и на ошибочность оценки ППД как неперспективного оружия.

И все же было принято решение прекратить снабжение Красной Армии пистолетами-пулеметами. Желая смягчить возможные последствия, наркомат вооружения просил оставить хотя бы небольшой заказ, но и это предложение, квалифицированное тогда как нежелание прекратить производство ненужной продукции «в ущерб государственным интересам», было отклонено.

Выйдя по окончании заседания в соседнюю комнату, я встретил там генерала Власика и сказал ему, что полное прекращение производства ППД вызывает во мне тревогу. В ответ на это он заметил, что мог бы дать небольшой заказ на пистолеты-пулеметы для пограничных войск, так как в его распоряжении имелись ранее выделенные на эту цель средства. Я, разумеется, согласился, тем более что это не нарушало постановления правительства, касавшегося только армии.

Так было сохранено, хотя и в очень незначительном объеме, производство ППД.

А вскоре, в том же году, когда финская реакция спровоцировала войну, части Красной Армии встретились в лесистых районах с противником, имевшим на вооружении пистолет-пулемет «Суоми», очень схожий с отвергнутым у нас ППД. Оказалось, что финское командование снабдило этим оружием целые подразделения и отдельных солдат, действовавших самостоятельно. Автоматчики, названные потом «кукушками»⁷, маскируясь белыми халатами и располагаясь в гамаках, подвешенных между заснеженными соснами, встречали вступающих в лес красноармейцев лавиной огня, а сами оставались трудноуязвимыми, так как наши бойцы, вооруженные винтовками и ручными пулеметами и лишенные прикрытия, оказывались в худшем положении. Большое значение имел, конечно, фактор неожиданности при таких обстрелах, но и преимущества пистолета-пулемета стали более чем очевидными. Тут-то и произошел весьма резкий поворот во взглядах наших военных относительно этого оружия. Более того, кое-кто

попытался прикрыть свои промахи, вызвавшие напряженное положение на ряде участков фронта, как раз отсутствием автоматов.

Как-то вечером меня вызвал Сталин. Он спросил, почему наши заводы не изготавливают пистолеты-пулеметы. Я напомнил о решении, согласно которому поставка этого оружия армии была прекращена. Молча походив по кабинету, Сталин сказал:

— Нельзя ли у нас организовать изготовление финского пистолета-пулемета «Суоми»? Его очень хвалят наши командиры.

Я ответил, что изготавливать надо советский автомат, так как он не хуже финского, да и производство его освоено и нуждается только в развертывании. Тем более, что это потребует несопоставимо меньшего времени, чем организация выпуска финского автомата.

Сталин, видимо, колебался. Он повторил:

— Командиры хвалят финский автомат. — И, сходя в соседнюю комнату, принес два пистолета-пулемета — советский ППД и финский «Суоми».

Он попросил разобрать их, и мы подробно обсудили качества двух автоматов, после чего Сталин дал указание возобновить производство ППД на том же заводе — в три смены с полным использованием всего оборудования. Он потребовал, чтобы уже к концу следующего месяца было изготовлено 18 тысяч пистолетов-пулеметов.

Поскольку это было невозможно даже при мобилизации всех сил (в незавершенном производстве было очень мало задела), о чем я и доложил Сталину, он в конце концов уменьшил задание до 12 тысяч. Но так как я заявил, что и такое количество нельзя изготовить за столь короткий срок, то Сталин раздраженно спросил:

— Что же вы можете предложить? И как быть, если с фронта ежедневно требуют вооружить пистолетами-пулеметами хотя бы одно отделение на роту?

Я вспомнил о пистолетах-пулеметах, полученных генералом Власиком. Последний тут же был вызван Сталиным и получил указание немедленно передать армии все ППД, имеющиеся в пограничных районах. Доставку их на фронт должны были производить самолеты...

<...> Только успели наладить нормальное производство автоматов, как вновь возникли серьезные осложнения. Услышав от кого-то из военных, что круглые дисковые магазины пистолета-пулемета «Суоми» вмещают патронов в четыре раза больше, чем плоские коробчатые (их называли «рожками») ППД, и что

поэтому из финского автомата можно дать очередь, которая во столько же раз длиннее, чем очередь из нашего, Сталин счел это сопоставление вполне убедительным. Невзирая на то, что всякая переделка может вызвать перебои в поставке автоматов фронту, он дал указание все выпускаемые пистолеты-пулеметы комплектовать только дисками точно такими же, как у «Суоми», по три на автомат.

Мы попросили дать сутки для того, чтобы вместе с главным конструктором В. Дегтяревым и заводскими работниками продумать кратчайшие пути приспособления дисков «Суоми» к ППД и начать их серийный выпуск. Сталин согласился.

Подробно рассмотрев на заводе все имеющиеся возможности, я возвратился в Москву. Со мной приехал В. Дегтярев. Сталину мы докладывали вместе. Наш вывод состоял в том, что приспособить диск «Суоми» для ППД можно, но требуется его переконструировать, на что уйдет много времени. Конструкторам нужно было составить расчет допусков, подобрать высококачественный материал, изготовить и испытать образцы и т. д. И все это, не считая главного — подготовки производства: штампов, приспособлений, инструмента, калибров. По расчетам, при самых ускоренных темпах на освоение выпуска дисков требовалось от одного до полутора месяцев.

Вместе с тем мы подчеркнули, что диски имеют далеко не такие большие преимущества, как показалось военным, а во многом даже уступают рожкам. Хотя они вмещали 69 патронов, но ведь этот запас вряд ли требовался для одной или двух очередей. В то же время диски громоздки, тяжелы, сильно обременяют стрелка, особенно при продвижении с преодолением препятствий, в снегу и т. п. Перезаряжать их труднее, а более сложные, чем у рожков, механизм питания и путь продвижения патронов увеличивают вероятность того, что оружие откажет в нужный момент. Рожковые же магазины легки, портативны, их можно разместить в больших количествах в голенищах сапог, в карманах шинели, полушубков, брюк, за поясом. Они быстро сменяются и дешевы, так что при случае их можно выбрасывать как обоймы.

Кроме того, В. Дегтярев предлагал увеличить емкость рожков до 25–30 патронов — предельного количества, при котором можно рассчитывать на хорошую работу удлиненной пружины магазина. Причем выпуск таких новых магазинов мог быть освоен в течение 7–10 дней без нарушения темпов производства.

Наши выводы не встретили поддержки у руководства Главного артиллерийского управления армии. С горечью слушал я военных инженеров, которые высказывались вопреки своему опыту и знаниям, делая это только потому, что накануне Сталину понравились диски. Эта безответственная позиция сделала свое дело. Да и сами мы, видно, не смогли убедить в своей правоте.

Но как докажешь, если о всех трудностях, которые предстояло преодолеть для организации массового изготовления и обеспечения максимальной безотказности действия диска, не знали те, кто судил об этом лишь по его очень простому наружному виду, напоминавшему обыкновенную жестяную коробку? К этому добавляли, что финны не имеют таких заводов, как наши, а выпускают сколько угодно дисков, действующих безотказно⁸. Иначе говоря, вопрос был поставлен таким образом, будто промышленности не требуется никакой подготовки к производству любого нового изделия.

В итоге Сталин не согласился с нами и приказал комплектовать ППД только дисками, а до их изготовления считать выпускаемые автоматы неукомплектованными.

Эта крайне жесткая мера поставила нас в безвыходное положение. В разгар войны, при острой потребности в автоматах, нельзя было не отгружать их на фронт, а дисков еще не было. В таких условиях руководство завода при молчаливом содействии военпреда решило продолжать отправку ППД, приняв на себя обязательство укомплектовать их дисками в течение месяца.

Весь коллектив предприятия работал с исключительной самоотверженностью. Люди сутками не уходили с завода. Но и при всем этом установленные для конструкторов, технологов, цехов оперативные сроки не выдерживались. В необычайной спешке допускалось много ошибок. Готовые автоматы неоднократно возвращались с отстрела на исправление. Были дни, когда на исправлении работало людей больше, чем на сборке. Практически в такой обстановке на изготовление автоматов уходило времени больше, чем потребовалось бы при правильно установленных сроках.

Вскоре Сталин прислал директору завода, секретарю парторганизации и председателю завкома телеграмму резкого содержания, угрожавшую репрессиями. Прибывшие из Москвы сотрудники НКВД начали поиски вредителей и саботажников и для начала арестовали одного из инженеров. Заводом «заинтересовались» все контрольные органы.

Нажим и угрозы только мешали делу. Весь коллектив работал из последних сил, не считаясь со временем, но эффективность этих усилий резко снижала созданная на заводе обстановка.

Перелом начался после того, как Сталин был ознакомлен с образцами из первой партии дисков для ППД. Он остался доволен ими. Особенно ему понравилось, что они вмещали 71 патрон, то есть на два патрона больше, чем диски «Суоми», хотя практического значения это не имело. Потом Сталин принялся подробно расспрашивать о работе завода, и рассказ о создавшейся там ненормальной обстановке произвел на него впечатление. Он тут же дал указание отозвать с завода сотрудников НКВД, а мне предложил выехать туда и действовать так, как я найду нужным.

Эти указания Сталина внесли большое успокоение, укрепили уверенность коллектива завода в своей работе. Производство ППД постепенно начало входить в нормальное русло, о чем я и доложил Сталину, когда он вновь вызвал меня неделю спустя. В связи с этим я получил от него новое задание: выехать на фронт и посмотреть в одной из действующих армий, как осваиваются ППД.

<...> Кстати, тогда же окончательно выяснилось, что представленная Сталину кем-то из военных информация о «безотказном» действии диска «Суоми» была очень далека от действительности. На фронте мне показали финский автомат, владелец которого был убит, почти не успев выстрелить. Вскрыв крышку диска, я обнаружил отказ на третьем патроне. Солдату, видимо, не удалось быстро устранить задержку, так как характер ее требовал снять для этого диск. Такие и различные другие случаи отказа обнаружились и в нескольких последующих трофейных автоматах, взятых красноармейцами у солдат противника, убитых как раз в тот момент, когда их оружие не действовало. Пистолет-пулемет «Суоми», как оказалось, таил в себе и другую большую опасность: он сам по себе мог начать автоматическую стрельбу, так как при сильном встряхивании или при ударе некоторые задержки самоустранялись. Наши диски не имели таких недостатков⁹.

События той поры сделали очевидным, что пистолет-пулемет — такое оружие, которое в дальнейшем в случае войны потребуется в больших количествах, чем любое другое. Отсюда возникла задача сделать его еще более дешевым, простым и портативным.

<...> Создать новую конструкцию пистолета-пулемета наркомат вооружения поручил тому же заводу, где выпускались

ППД. Речь шла о том, чтобы детали для этого оружия почти не требовали механической обработки. В целом новый вариант должен был стать настолько простым, чтобы при необходимости его производство могли быстро освоить на любом машиностроительном заводе.

В очень короткий срок конструктор Г. С. Шпагин представил макет новой конструкции, на изготовление которой требовалось минимальное количество станко-часов: только ствол, особенно его канал, подвергался тщательной обработке, остальные же металлические детали нуждались лишь в холодной штамповке из листа, а деревянные имели очень простую конфигурацию. Пожалуй, одним из наиболее сложных и дорогих в этой конструкции был упомянутый дисковый магазин, взятый без всякого изменения от ППД.

Даже В. Дегтярев, который в течение своей долголетней практики создавал конструкции, основанные на иных принципах, одобрительно отнесся к проекту Шпагина.

Так в самый канун Великой Отечественной войны был создан знаменитый ПППШ — пулемет-пистолет Шпагина, ставший мощным оружием воинов Красной Армии. Исключительная простота конструкции позволила с первых же месяцев войны легко осваивать производство этого замечательного автомата на многих, в том числе и неспециализированных заводах.

Последний эпизод из истории создания этого оружия относится к 1942 году.

Шла кровопролитная война, заводы эвакуировались на восток, промышленность прифронтовых районов переключалась на изготовление вооружения и боеприпасов. Для тех, кто осваивал выпуск ПППШ, самым трудным оказалось производство дисковых магазинов. Оно начало заметно отставать.

Однажды на совещании наркомов машиностроительных отраслей, заводы которых изготавливали ПППШ, — я был туда приглашен как руководитель промышленности боеприпасов, — меня попросили высказать свое мнение о целесообразности использования коробчатых магазинов. Я сказал, что это один из лучших выходов из положения на то время, пока заводы освоят и полностью наладят производство дисков.

Тогда ко мне обратились с просьбой написать об этом Сталину. Я высказал сомнение в том, что он одобрит вмешательство наркома боеприпасов в данную область. Но мне ответили, что Сталин

отклонил уже ряд подобных представлений, а это письмо может оказаться более действенным, так как он, мол, внимательно прислушивался к моему мнению.

Такую записку я написал. Это было вечером, а ночью мне по телефону сообщили, что Сталин согласился с моим предложением. После этого ППШ стали комплектовать и коробчатыми магазинами, что позволило уже тогда намного усилить поставки мощного оружия фронту, тщательно освоить производство пулеметов-пистолетов на многих заводах и полностью обеспечивать ими армию в течение всего периода войны.

<...>

<...> В предвоенные годы вооруженцы некоторых отраслей оборонной промышленности считали свою продукцию главной, исходной для любой военной техники, а остальное — разновидностями транспорта для вооружения. С этим не соглашались работники других отраслей. Такого рода «разногласия» были не только теоретическими, но сказывались и при разработке тактико-технических требований в случаях, когда возникали споры о том, «что чему подчиняется», о преимуществах в материально-техническом снабжении и т. п.

Мы, вооруженцы, разумеется, сделали своим девизом слова «Артиллерия — бог войны». Но Сталин, однако, уточнил значение вооружения, напомнив нам о роли боеприпасов, которые производились на заводах другого наркомата.

Разговор происходил в 1939 году в неслужебной обстановке и начался с того, что начальник ГАУ генерал артиллерии Савченко в шутку назвал меня «нашим Круппом», добавив:

— Все зависит от него. Все другие наркоматы оборонной промышленности работают на него, чтобы расширить рамки использования вооружения. Сталин, улыбнувшись, заметил:

— Это будет неточно, если рассматривать вооружение не только с точки зрения наркомата вооружения, так как и оно играет подчиненную роль, то есть для того, чтобы доставить боеприпасы (средства разрушения) до цели и разрушить ее.

Присутствовавший при этом генерал авиации Локтионов добавил, что, следовательно, и авиация — не только транспорт для вооружения, ибо, например, бомбардировщики сами доставляют авиабомбы к цели.

— Значит, все сводится к разрушению цели, — сказал Сталин, — а это остается за боеприпасами. Сила взрыва боеприпасов

определяет мощь всех родов войск, в том числе и авиации, и служит мерилom военно-экономической целесообразности затрат на ту или иную боевую технику. Неразумно строить дорогой бомбардировщик на большой радиус действия, если заряд авиационной бомбы будет недостаточно мощный.

<...>

